

– А Россия – островок стабильности!

– Есть знаменитое выражение Василия Розанова по поводу 1917-го: «Святая Русь слиняла за три дня». Я не согласен с таким жестким обобщением, после революции была еще Гражданская война... Не могу ничего предсказать и прогнозировать, но в истории было много неожиданных сюжетов и поворотов. Вспомните, 1913 год рассматривался современниками как пик экономического расцвета Российской империи. 300-летие династии Романовых, всё казалось незыблемым и рассчитанным на века. Но затяжная мировая война, большие массы возмущенного народа плюс неординарные личности в роли вождей – и Россия явила миру событие, оказавшее влияние на всю историю XX века.

Невыученные уроки?

– По сути, мы все – наследники 1917 года. Те события трансформировали не только нашу страну, но оказали влияние на мировую политику на последующие 70 лет. Какие уроки мы можем извлечь из революций 1917-го?

– С моей точки зрения, революция – это не черно-белый идеологический конфликт красных и белых, и в ней всегда присутствует момент непредрежденности. Более того, революция выявляет не только самые худшие стороны людей, как это пытаются некоторые предсказать, и она не только разрушает. После революции возникают самые разные институты. Те же советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они вызвали восхищение известного философа Ханна Арендт. Все мы читали, как Ленин превозносил советы рабочих депутатов. Это был опыт реализации массами идей, не навязанных со стороны власти или бюрократии, и пример самоорганизации для решения текущих вопросов. Понятно, потом в советах начались политизация, идеологизация, раскол, но на начальных этапах эти формы народного самоуправления демонстрировали высокую эффективность.

Что касается вынесенных уроков революции. Во-первых, это осознание необходимости нахождения компромисса между разными политическими силами. Если компромисс не находится, то возникают страшные вещи. Крайней степенью проявления политического тупика можно назвать гражданскую войну и террор. И у нас, и во Франции примеры такого тупика имеются. К слову, несмотря на то, что революционный миф стал частью национальной самоидентификации французов, у них не очень распространено присваивать имя лидера якобинской диктатуры Робеспьера улицам и площадям.

Во-вторых, может, это и не урок, но задача историков – распутать клубок из интересов, ожиданий, взглядов разных участников революции и содействовать осмыслению национального прошлого, а через это и формированию определенного консенсуса в обществе.

В-третьих, как последствие революции должен быть усвоен урок ужаса, травмы, связанной с террором и гражданской войной. Необходимо осознанное стремление не допустить повторения такого насилия. Должен действовать принцип общего блага, выработаны ценности (институты), значимые для многих людей и ограждающие от крайнего проявления насилия.

В философии Просвещения те же Джон Локк и Жан-Жак Руссо декларировали право народа на революцию (восстание) наряду с необходимостью соблюдения закона и идеями правового государства. Но очень непросто определить грань, отделяющую право на восстание от бунта, анархии, погрома. Мы говорили про Францию, там народ активно

пользуется правом на восстание, митингует, иногда устраивает стычки с полицией, но всё это не разрушает существующий строй и не создает угрозу институтам, а является вызовом масс, на который власть обязана адекватно ответить. Государство должно не разогнать демонстрацию, а, прежде всего, решить проблему, вызвавшую манифестацию. Это такой своеобразный политический театр, игра, правила которой знают все стороны, и всё это содействует крепости и постоянному апгрейду политической традиции.

У нас аналогичные примеры взаимодействия можно найти в конце 1980-х – начале 1990-х, те же съезды народных депутатов. И это можно считать наследием, связанным с октябрём 1917-го.

– А эхо событий 1917 года можно обнаружить в современной идеологии?

– Пожалуй, это сложно сделать. Если мы посмотрим на наследников по прямой, современную КПРФ, то, наверное, Владимир Ильич очень не одобрил бы то, что произошло с партией, и нашел бы немало крепких слов для критики. Сейчас идеи коммунизма в программе партии переплетаются с православием и национализмом, что напрямую противоречит идеологии большевизма. Но такое положение дел вполне объяснимо – партия адаптируется к ожиданиям электората. Настоящий прагматизм и постмодернизм.

Но в целом, с точки зрения существующего консервативного курса, революция 1917 года воспринимается в категориях «Россия, которую мы потеряли». Активно транслируются версии жидомасонского заговора или заговора немецкого генштаба. Профессиональным историкам эти концепции неинтересны, так как давным-давно опровергнуты с привлечением большого числа источников. Зато на уровне массового сознания эти теории продолжают жить и воспроизводиться.

– Это наша российская особенность – искать виноватых и заговорщиков?

– Это очень сложная тема. Есть любители любую революцию объяснять заговором. К тому же конспирологические штуки всегда легче усваиваются массовым сознанием. До сих пор на голубом глазу обсуждаются истории про опломбированный вагон, про масонские ложи, про немецкое золото, которое получил Ленин для организации революции... У нас вообще сложные отношения с революционным прошлым. В отличие от того же Китая, где скоро будет отмечаться юбилей первого съезда Коммунистической партии Китая. Специалисты говорят, это событие потрясет весь мир по масштабности. Оно и понятно, более миллиарда человек будут праздновать.

– Не знаю, как насчет праздновать, но то, что о 100-летию революции помнят, можно судить по тому же проекту «Яндекс» «1917. Свободная история», там в ежедневном формате публикуются фрагменты дневников очевидцев тех событий, газетные статьи, фотографии, отрывки из музыкальных произведений. Как вам такое «очеловечивание» истории?

– Мне очень нравится этот проект, он позволяет почувствовать связь с теми событиями. Как говорил Бахтин: «У каждого смысла будет свой праздник воскресения». С помощью интернета воссоздается атмосфера тех революционных лет через личные дневники, возникает диалог с историей. Это очень хорошо, когда появляется такой вариант public history (публичной истории). Хотя предвижу критику со стороны моих коллег-историков и обвинения в адрес создателей проекта в дилетантизме. Но это вечный спор профессионалов и любителей.

Беседовала Алёна Сабирова

Психотравма поколений

В пресс-центре ИА «Байкал24» 13 февраля собрались историки, политологи, философы, журналисты, чтобы обсудить тему «Революция 1917 года и Гражданская война: история, смыслы и современное прочтение». Инициаторами дискуссии выступили клуб молодых ученых «Альянс» и фонд им. Ю.А. Ножикова. Предлагаем вниманию читателей «Права выбора» фрагменты наиболее ярких выступлений.

Пилар Бонет, шеф-корреспондент испанской газеты «Эль Паис»:

– Если смотреть на реальность, как на фреску, то можно различить слои, нанесенные в более раннее время. Надо понимать, куда восходит каждый слой и с чем он связан. При этом стоит помнить, что любой наблюдатель является субъективным. Я из страны, которая пережила гражданскую войну, и это сильно повлияло на мое детство. Я была дочерью победителей, а о чувствах победителей смогла судить, только повзрослев. В истории моей страны было немало моментов, которые, как мне кажется, напоминают события России 1917 года. Это и наличие преимущественно аграрного населения (накануне революции. – Прим. ред.), и большая роль церкви, и необходимость модернизации. Травма «потерянной страны» и «потерянного величия» долго находила отклик в испанской литературе, и это близко, как мне кажется, и русским.

У нас тема национального примирения возникла после гражданской войны, которая считается более страшной, чем Вторая мировая. Все стороны осознанно пошли на уступки ради общего спокойствия и общего блага. Тем не менее после 1930-х годов об ужасах гражданской войны очень мало говорили. Я в юности работала в провинциальном журнале и начала писать о гражданской войне, но не нашла поддержки ни у кого. Даже моя мама сказала: «Зачем об этом говорить? Я всю жизнь молчу, зачем снова ворошить прошлое?» После этого я об этой теме не писала. У нас до сих пор живы воспоминания, кто, кого убил в гражданскую войну, и эта травма на бытовом уровне сильно ощущается.

Может быть, поэтому мне интересна история революции 1917 года в России. Думаю, здесь у вас тоже должна была ощущаться полифония взглядов, мнений, подходов. Мне любопытно, что приводит к победе абсурда, почему начинают царить самые примитивные инстинкты, возникает ложная реальность.

Сергей Шмидт, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета:

– Как вы знаете, троцкисты были серьезной силой в гражданской войне в Испании. Полагаю, Пилар будет интересно услышать, что Лев Троцкий появился именно как Троцкий в Иркутске. В своем произведении «Моя жизнь» он пишет, что сбежал из ссылки в Верхоленске будучи Лейбой Бронштейном, а на перрон вокзала в Иркутске ему принесли паспорт на фамилию Троцкий. Видимо, при изготовлении фальшивых документов учли его пожелания. Это одна из нитей или параллелей между российской и испанской историей.

Те, кто увлекается альтернативной историей, любят порассуждать, что было бы, если бы в Гражданскую войну в России белые победили красных. Доминирует мнение, что в таком случае мы пошли бы по пути Франкистской Испании. Такое соединение церкви, консерватизма и генералов у власти. Правда, из белых генералов с Франко сравнить можно было бы только Лавра Корнилова, который в 1918 году был убит.

Еще один момент похожести историй наших двух стран: часто русскую и испанскую гражданские войны называют самыми зверскими и кровопролитными из всех, проходивших на территории Европы, хотя их затмили бы по жестокости гражданские войны в Китае, Вьетнаме и Камбодже.

Четвертый момент. Есть версия в исторической науке, что мятеж франкистов (1936 год) был последней каплей, подтолкнувшей Сталина к проведению «чисток». Доказательств этому найти невозможно, как не удастся найти объективную причину сталинских репрессий. Так что эта версия имеет право на существование.

Вот это те сходства, которые мы с некоторой даже натяжкой можем найти, во всем остальном я вижу различия. Как мне кажется, революция 1917-го и последовавшая Гражданская война не являются коллективной психотравмой в современной России по той простой причине, что всё это заслонено Великой Отечественной войной и репрессиями.

К тому же сейчас в России при выработке отношения к революции и Гражданской войне у всех возникает замешательство. С одной стороны, наша страна, порожденная революцией, никогда не была более влиятельной на мировой арене, чем в период с 1945 по 1961 год. Мы все живем в тени СССР. С другой стороны, революция и Гражданская война – это то, что в массовом сознании оценивается как крайне негативные явления. Ничего хуже для народа нет, чем когда исчезает государственное око. Такая амбивалентность порождает замешательство, поэтому все предпочитают эту тему обходить стороной.

Юрий Пронин, кандидат исторических наук, главный редактор газеты «Байкальские вести»:

– Призывы к национальному примирению накануне столетия Февральской и Октябрьской революций 1917 года неплохо выглядят в теории, но их трудно воплотить в жизнь. В этом смысле Иркутск – передовой город в части толерантности, примирения, терпимости к иным взглядам, обычаям, религиям. Только у нас в центре города поблизости стоят памятники Ленину и Александру III. Монумент Колчаку установлен около кафедрального собора, а есть же еще памятник борцам революции, сейчас он реставрируется. Вспоминая досоветское прошлое, никто не собирается вычеркивать советскую эпоху.

Тем не менее, как только речь заходит о наследии 1917 года, общественная атмосфера сразу накаляется. Поэтому я не согласен с теми, кто считает, что противостояние Гражданской войны прошлого века исчезло из массового сознания.

Например, существует настоятельная необходимость увековечить в Иркутске память выдающихся деятелей революции и Гражданской войны, оставивших свой след в истории нашего города, среди которых можно отметить генерала Петра Врангеля (в молодости он работал чиновником особых поручений при иркутском генерал-губернаторе) и Льва Троцкого. Однако в ответ на такие инициативы раздаются обвинения в «реваншизме», «белогвардейщине» и обещания «ответных действий». Еще более сложной является проблема возвращения исторических названий улиц центральной (старой) части Иркутска. Здесь противостояние, раскол, обозначившийся еще в 1917 году, ощутимы и сейчас. Да, нынешние сторонники сохранения названий улиц Ленина и Карла Маркса – это не обязательно красные образцы столетней давности. А сторонников возвращения прежних названий невозможно назвать белыми. Но факт остается фактом: противостояние есть, и оно идет из 1917 года.

